

Сержант Иннокентий Смоктунувский

Мок. правда. - 1990. - 9 серия

Иннокентия Михайловича Смоктунувского не нужно представлять нашим читателям — настолько он известен и любим. Но не всем известно, что выдающийся актер прошел по дорогам войны, имеет боевые награды. В 1943 году он был мобилизован в армию и направлен учиться в Киевское военно-пехотное училище, затем — фронт. 3 декабря 1943 года Смоктунувский попал в плен, но 7 января 1944 года бежал из лагеря для военнопленных, вступил в партизанский отряд — до момента соединения с частями Красной Армии. В автобиографии Смоктунувский написал: «...Закончил воевать за Берлином — в городе Гревесмюлене, много повидав и испытыв: и тягость военных лет, и радость Победы. С этим жизненным опытом я и пришел в театр».

В архиве И. М. Смоктунувского, хранящемся в Государственном Центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина, есть собственноручно написанный актером рассказ. Фрагмент из него предлагаем читателям нашей газеты.

«После того как нас, молодых неопытных сержантов, иногда сержантов и старших, и старшин, недоучив на офицеров, отправили из Сибири на пополне-

ние гв. дивизии, нас вскоре, только подошедших к фронту, жестоко и нагло разбомбили и расстреливали в упор с каких-то «фокке-вульфов». После этой первой встречи с фашистами, зидя некоторых своих товарищей уже мертвыми, я стал мучительно тосковать, потерял сон, при виде пищи меня рвало, выворачивало. Единственно, что я мог, — это пить, пить только. И это продолжалось долго, дней 8—9. Меня даже не успокаивало, что в этом я был не одинок. У двух началась эпилепсия, и их колотило так, что я по сравнению с ними был просто спокойный, мудрый мальчик в коротких бархатных штанишках и едва ли не со скрипкою в руках. Успокоение приходило медленно, через трудные переходы, через виденье смерти вокруг и рядом, через постепенное сознание необходимости жить и выжить даже тогда, когда выжить невозможно.

Однажды, это очевидно было на исходе этого «карантинного» периода, т. е. этих 8—9 дней, мы с дороги разбежались в сухую желтую пшеницу пересидеть воздушную тревогу. Уложив отделение свое, я присел метра на 3—4 дальше, чем легла основная солдатская гуща, это я мог сделать и по званию.

Уложив свое отделение, я мог позволить себе «погулять» этот в уединении и на пшенице, как на лугу. Это я и сделал. Лежа там, я растер в ладонях созревший колос и поймал себя на том, что рассматриваю зерна пшеницы на ладони и наслаждаюсь живительным запахом этого доброго злака. Раньше я мучительно ждал и смотрел, где и откуда появится это непростое зло в виде фашистских самолетов. А теперь я лежу просто на виду у всех и вся (пшеница была довольно редкая) и меня мало заботит, увидит меня этот фашист, будет ли он стрелять или нет, и если будет — попадет не, попадет. Этих мыслей напрочь не было. Я продолжал лежать и увлажнял слюною новые порции свежих зерен — о, это было счастье. Это была жизнь. Причем жизнь столь полная, что ее не могли остановить никакие фашисты — что бы они там о себе ни думали со своими глупейшими «Дойчланд юбер аллес». Я жевал пшеницу и улыбался, мои солдаты заметили это непривычное мое состояние, и кто-то из них крикнул:

— Сержант, хорошо?..

— О-очень.

— А фриц-то вот он, летит.

— Плевать мне на него, что он летит, полетает да и свалится, — кричал я в ответ, удивляясь открытости, и покою своему, и полной искренности, освобожденности минуты, что со мною было на фронте впервой.

Круг добрых глаз, через стебли пшеницы смотрящих на меня, не забуду. Они в сложные минуты жизни вот уже больше тридцати лет вдруг мудро и спокойно появляются в памяти сердца, напугавшая на предстоящее нелегкое впереди... Я встал из этой пшеницы тогда прозревшим и воскресшим человеком, прожившим прекрасную долгую жизнь и не потерявшим ощущение радости и полноты ее».

Подготовила публикацию
И. ОРЕХОВА.

На снимках: сержант И. Смоктунувский, Германия, 1945; кинопроба, 1974.

Фото из музея МХАТ.